

ШАНДОР ФОДО (Тарту)

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ВЕНГЕРСКИХ ГОВОРАХ НА ВЕРХНЕЙ ТИСЕ

Венгерское население района верхней Тисы (Закарпатская область УССР) на протяжении многих столетий находилось в тесных языковых и культурно-хозяйственных контактах с различными славянскими народами. Несомненно, что речь может идти прежде всего о венгерско-украинских контактах, поскольку венгерское и украинское население этого района непосредственно контактирует и сегодня. Однако не исключена возможность непосредственного контактирования венгров в этом районе с другими славянами — словаками и даже южными славянами — в прошлом. Следы этого встречаются в лексике контактирующих языков. Следовательно, важно изучение заимствований, ибо оно может пролить свет на многие, не засвидетельствованные историографией детали культурно-хозяйственного сотрудничества соседствовавших народов.

В исследуемых говорах нами зафиксировано более 200 слов славянского (преимущественно украинского) происхождения, которые еще не отмечены венгерской лексикографией. Обращает на себя внимание, что славянизмы не сконцентрированы в каком-то одном понятийном круге, а охватывают почти все стороны духовной и хозяйственной жизни венгерского населения исследуемой территории.

С точки зрения определения степени интенсивности языкового влияния интересно распределение заимствований по частям речи, так как при незначительном влиянии заимствование почти ограничивается именами существительными, реже заимствуются глаголы и прилагательные, а местоимения, наречия и служебные слова заимствуются только при продолжительном и интенсивном контактировании языков (см. Márton 17).

В данной статье анализируется ряд прилагательных, заимствованных из славянских языков.¹ Так как сбор материала продолжается, ареал распространения их точно не очерчен, ограничимся лишь указанием населенного пункта, где слово зафиксировано впервые, и по мере возможности отметим, известно ли оно другим венгерским говорам.

bájsza, употребляется только в говоре с. Тячево в значении 'глупый; неповоротливый, неуклюжий' < укр. диал. *байса* 'пустой разговор, пустая болтовня; leeges Geschwätz' (Е. Желеховский, С. Недільский, Малорусско-німецкий словарь, Львів 1886; Грицак). Определенные трудности представляет объяснение разницы в семантике венгер-

¹ В статье рассматриваются только прилагательные-диалектизмы.

ского и украинского слов, но вполне вероятно предположить следующую эволюцию значения венгерского слова: 'пустая болтовня' → 'болтливый' → 'глупый' → 'неповоротливый'. Украинское слово неясной этимологии. Вероятно, в основе его лежит тот же корень *бай*, что и в словах: *бай* 'сказочник', *байдати* 'болтать вздор, говорить чепуху', *байка* 'басня', *байкарь* 'баснописец', *байкий* 'говорливый, словоохотливый', *байчар* 'болтун, сплетник', *баяння* 'рассказывание; ворожба', *баяти* 'рассказывать' и др. (Грінченко).

balamuta, впервые зафиксировано в 1875 г. в значении 'беда; хаос, неприятность' (MTsz). В закарпатских венгерских говорах засвидетельствованы нами и другие значения: 'легкомысленный, неосмотрительный' (Деренковец), 'бродячий, бесцельно слоняющийся' (Черно-Тисово). В данном случае имеем дело с двумя отдельными заимствованиями. Слово в значении 'беда; хаос, неприятность' < словац. *balamuta* 'хаос, беспорядок, смятение' (SSJ; ср.: Kniezsa I 1 73), а в значении 'легкомысленный и др.' < укр. *баламута* 'возмутитель, смутьян; обольститель; знахарь' (Грінченко). Следует отметить, что укр. *баламута* имеет и значение 'хаос, затруднение, замешательство' (Грінченко), что могло послужить источником значения 'беда; хаос, неприятность' венгерского слова, однако география распространения *balamuta* с этим значением подтверждает, что это параллельное заимствование из словацкого, так как оно распространено только в говорах, граничащих со словацкой языковой территорией (Rudnyčuj I 68; Фасмер I 113; Sławski I 26; Grückner 12; Machek 23).

bila, архаизировавшийся диалектизм, зафиксирован нами только в дер. Вышково и Тячево со значением 'блондин, белорусый'. Слово известно лишь представителям старшего поколения, а в Вышково употребляется только как прозвище, например: *Bila Hánka József*, где *Bila* — прозвище, *Hánka* — фамилия, *József* — имя. Причем эти лица получили прозвище по наследству и не являются белорусыми < укр. *біла* 'белая'. Источником венгерского слова могло быть и укр. *білан* 'блондин' (Грінченко), где произошло опущение конечного *-n*, который венгры могли воспринять как падежное окончание. Венг. диал. *bélan* 'блондин' (Márton 20) заимствовано из румынского языка, где оно также является славянизмом (Фасмер I 148; Sławski I 31; Machek 32).

bóván, зафиксировано в нескольких населенных пунктах Виноградовского района в форме *bóván* (Виноградово) и *bóvány* (Вилок) 'тупой, глупый, болван' < укр. диал. *боўван* 'тупица, болван' (Грицак), 'кумир; истукан' (Грінченко). Слово известно и другим славянским языкам (Rudnyčuj II 154; Фасмер I 186; Преображенский I 34; Sławski I 26; Grückner 12; Machek 23). Венг. лит. *bálvány* 'идол, кумир' является параллельным заимствованием из славянских языков или же заимствовано из того же источника, что и соответствующие славянские слова (ср. TESz).

dránytya 'оборванный, ободраный' (Вышково), 'недоразвитый; бесформенный; неуклюжий' (Тячево), 'слабый; дряхлый; ветхий; бракованный' (Солотвино) < укр. *дрантя* 'старые вещи, лохмотье, дрань, негодная вещь' (Грінченко). Украинское слово — производное от общеславянского корня **drati*.

hursi 'плохой; хитрый' (Тячево) < укр. диал. *гуриший* 'худший' (Грицак), укр. лит. *гіриший* то же (Грінченко). Общеславянское слово того же корня, что и **gorьky* и **goreti* (Rudnyčuj VII 632; Sławski I 321, 323; Machek 139).

kálika 'болезненный; увечный; уродливый' (Тячево) < укр. *каліка* 'калека' (Грінченко). Несмотря на то что фонетический облик и значе-

ние украинского слова полностью совпадают со словац. *kalika* (SSJ), география распространения венгерского слова исключает возможность заимствования из словацкого. Венг. диал. *kálik* 'бедный' (Márton 97) заимствовано из румынского, а рум. *calic* 'калека; бедный, скупой' < укр. *каліка* (Crânjală 114, 115; см. также Фасмер II 166; Преображенский I 288; Sławski II 27; Brückner 213; Machek 188).

korola 'незаконнорожденный' (Вышково, Тячево и др.) < укр. *копыля* 'внебрачный ребенок' (Грицак), *копиля* то же (Гринченко), *копылок* то же (Грицак). Соответствия есть и в других славянских, а также в румынском и албанском языках; происхождение неясно (Фасмер II 320; Преображенский I 351; Machek 219; Crânjală 317). Венг. диал. *kopil* 'внебрачный ребенок' < рум. диал. *copil* то же (Gy. Márton, Román kölcsönszók. — Nyelv- és Irodalomtudományi Közlemények VI 2, Cluj-Kolozsvár 1962, стр. 282).

lájdak 'неуклюжий, мешковатый' (Вышково), 'плохо одетый' (Тячево) < укр. *лайдак* 'бездельник; мерзавец' (Гринченко). Восточно- и западнославянское слово заимствовано, видимо, из нем. *landern* 'бродить' (Фасмер II 451; Преображенский I 430; Brückner 305; Machek 256).

mersa 'ленивый, уваливающий от работы' (Вышково, Тячево) < укр. диал. *мерша* 'падаль' (Гринченко). Общеславянское слово (С. Младенов, Етимологически и правописен речник на българския книжовен език, София 1941, стр. 311; Machek 309).

mizerák 'худой, слабый, несчастный' (Тячево) < слав. *mizerak*. По фонетическим признакам невозможно установить источник венгерского слова, поскольку соответствующие слова находим в нескольких географически близких славянских языках: укр. диал. *mizerak* 'худой, хилый человек' (Грицак), польск. *mizerak* 'бедняка, горемыка, бедняк' (Słownik języka polskiego I—XI, Warszawa 1958—1969), чеш. *mizerak* 'мерзавец, негодяй' (F. T g á v n i ě k, Slovník jazyka českého, Praha 1952), словац. *mizerak* 'лентяй, негодник' (SSJ), но распространение и семантика венг. *mizerák* свидетельствуют об украинском его происхождении. Укр. *mizerak*, вероятно, заимствовано из польск. *mizerak*, конечным источником которого (через *mizerny* 'худой, тощий, хилый') является лат. *miser* 'бедный, несчастный'.

nápász 'слабый, беспомощный' (Вышково), 'тягость; беда, несчастье' (Тячево) < укр. *напасть* 'беда, несчастье, напасть; штраф' (Гринченко). Общеславянское слово (Vasmer II 197; Machek 355).

pázkuda 'слабый, хилый, грязный' (Тячево), *pázkoda* 'очень простое или неудавшееся печенье, пирог, еда' (Вышково). Венгерские слова украинского или словацкого происхождения, ср. укр. *паскуда* 'дрянь; пакостник' (Гринченко), словац. *paskuda* 'злой, ленивый, никчемный человек' (SSJ), 'грязь, гадость, мерзость' (Kniezsa I 396). Возможно также, что здесь имеем дело с двумя различными заимствованиями (Vasmer II 320; Machek 355).

podli 'неряшливый' (Тарновцы) < словац. *podly* 'низкий; мерзкий; злой; позорный' (SSJ). Восточно- и западнославянское слово (Machek 380; Vasmer II 384; Преображенский II 87; Brückner 425).

pusztinya 'расточительный' (Вышково, Тячево), *puszténya* 'мерзавец' (Солотвино) < укр. диал. *пустыня* 'пустой, бессодержательный человек; пустой дом; запущенное место' (Грицак), 'пустыня; пустяк' (Гринченко) (Vasmer II 468; Brückner 448; Machek 408).

szkupi (Тарновцы), *szkupěj* (Тячево) 'скупой, прижимистый, жадный'. Это, видимо, два различных заимствования одного славянского

слова. Первое заимствовано из словац. *skupy* 'скупой' (SSJ), второе — из укр. *скупий* то же (Грінченко). Кроме фонетики рассматриваемых слов это подтверждается и лингвогеографическими соображениями: *szkupi* зафиксировано в крайне западных закарпатских венгерских говорах, граничащих со словацкой языковой территорией, тогда как *szkupěj* зафиксировано в говоре, расположенном на восточной окраине территории распространения венгерских говоров Закарпатья (Vasmer II 654; Преображенский II 315; Brückner 493; Machek 448).

szlári 'старый, беспомощный' (Вышково, Тячево) < укр. *старий* 'старый'. Общеславянское слово (Vasmer III 5; Преображенский II 373; Machek 470). Венг. диал. *sztári* 'старый, старичок (солдат, служащий по третьему году)' (MTsz) < серб.-хорв. *stári* 'старый' (Kniezsa I 513).

tumán (Дяково), *tumány* (Вилок) 'глупый, бестолковый, идиотский' < укр. диал. *туман* 'болван, глупый (употребляется обычно в звательной форме: *тумане!*)' (Грицак), укр. *туман* 'помраченье; туман' (Грінченко). В славянских языках слово является тюркизмом (Vasmer III 152; Преображенский II 17; Brückner 585). Венг. диал. *tuma* 'глупый, бестолковый', видимо, заимствовано непосредственно из тюркского.

Анализируя приведенные слова, следует обратить внимание на некоторые моменты, представляющие интерес с точки зрения общей теории заимствований.

1. При количественном сопоставлении славянизмов исследуемых говоров с данными венгерского литературного языка оказывается, что количество прилагательных славянского происхождения в этих говорах велико: среди зафиксированных нами в этих говорах славянизмов-диалектизмов (около 300 слов) столько же прилагательных (20 слов), сколько среди всех славянских заимствований венгерского литературного языка (около 600 слов).² Правда, следует отметить, что фактически число заимствованных прилагательных меньше, поскольку славянские соответствия многих из них в языке-источнике являются существительными. Ср., например, *bóván*, *dránytya*, *lájdaák*, *mizerák*, *tumán* и др.

2. Характерно, что все рассмотренные слова обозначают физические или духовные качества людей, как правило, отрицательные или имеющие отрицательный оттенок.³ Причиной этого является, как верно отмечает Д. Мартон⁴, то, что среди прилагательных частотность употребления слов, обозначающих качества людей, наиболее высока. Нельзя упустить из виду также, что чужие слова могут казаться более экзотичными, экспрессивно более насыщенными и поэтому они легко могли стать прозвищами, что, несомненно, содействовало их быстрейшему усвоению.

3. Все перечисленные слова обозначают второстепенные, не основные человеческие качества, т. е. не входят в основной словарный фонд исследуемых говоров. Для обозначения основных качеств людей во всех говорах сохранились исконные и традиционные названия.

4. Рассмотренные славянизмы выступают обычно как синонимы исконных венгерских слов, но по сравнению с исконными словами они экспрессивно более насыщены.

² Ср. И. Книежа, Славянские заимствования в венгерском языке. — Славяне, т. 8, Москва 1956, стр. 32.

³ Аналогичное явление наблюдается и среди румынских заимствований в венгерских говорах чанго: по данным Д. Мартона, из 180 прилагательных-румынизмов (общее количество заимствований 2690 слов) 114 обозначают качества людей (Márton 20).

⁴ Там же.

Итак, рассмотренные славянизмы свидетельствуют о тесных венгерско-славянских контактах в исследуемом районе, однако славянское влияние на эти говоры нельзя признать сильным: оно не затронуло самой системы говоров, а касается в основном их частных и второстепенных сторон.

Сокращения

Грицак — М. А. Грицак, Словник українських говорів Закарпатської області (рукопись, хранится в г. Ужгород): **Гринченко** — Б. Д. Гринченко, Словарь української мови I—IV, Київ 1958; **Преображенский** — А. Г. Преображенский, Этимологический словарь русского языка I—II, Москва 1959; **Фасмер** — М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка I—III —, Москва 1964—1971 —.

Brückner — A. Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków 1927; **Cránjalá** — D. Cránjalá, Rumunské vlivy v Karpatách se zvláštním zretelem k moravskému Valašsku, Praha 1938; **Kniezsa** — I. Kniezsa, A magyar nyelv szláv jövevényszavai I 1, 2, Budapest 1955; **Machek** — V. Machek, Etimologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha 1957; **Márton** — Gy. Márton, A moldvai csángó nyelvjárás román kölcsönszavai. — Nyelvtudományi Értekezések 66, Budapest 1969; **MTsz** — J. Szinnyei, Magyar Tájszótár I—II, Budapest 1893—1901; **Rudnyčkyj** — J. B. Rudnyčkyj, An Etymological Dictionary of the Ukrainian Language I —, Winnipeg 1962 —; **Slawski** — M. Sławski, Etimologiczny słownik języka polskiego I—II, Kraków 1952—1965; **SSJ** — Slovník slovenského jazyka I—VI, Bratislava 1959—1968; **SzamSz** — B. Csűry, Szamosháti szótár I—II, Budapest 1935—1936; **Vasmer** — M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch I—III, Heidelberg 1950—1958.

SANDOR FODÓ (Tartu)

ADJECTIVES OF SLAVIC ORIGIN IN THE DIALECTS ON THE UPPER TISZA

When studying loanwords that have come into being due to extensive linguistic contacts it seems to be expedient to analyse the distribution of loanwords into various parts of speech. It is of some help in estimating the strength and intensity of contacts between certain languages. In the case of a language only slightly influencing another loanwords are restricted to nouns only. Verbs and adjectives are taken over by some other language in considerably smaller numbers whereas pronouns, adverbs and various auxiliary words are borrowed only in the course of prolonged intense linguistic contacts.

The number of adjectives of Slavic origin in the Hungarian dialects on the Upper Tisza is considerable (about 20). Actually, however, the number of adjectives borrowed is smaller because several source words of the Hungarian loan adjectives are nouns in Slavic. Cf. *bóván* 'dull, stupid', *dránytya* 'ragged, decrepit', *lájdák* 'clumsy, untidy', *mizerák* 'feeble, miserable', *tumán* 'stupid, muddle-headed', etc.

It is noteworthy that all the adjectives analysed denote various mental or physical properties of man, most of them being negative in their meaning. The fact may be explained by loanwords sounding more exotic and emotionally coloured than the corresponding native words. They are often used as nicknames and consequently they become more easily established in the language.

It is also of interest that all the words mentioned above denote second-rate human properties and not those of real importance. It shows that the words do not belong to the basic vocabulary stock of the dialects. To denote the basic most important characteristics of man native words of long standing are used.

All the words analysed usually have their native Hungarian counterparts which appear more neutral and less emotionally coloured in comparison with the loanwords.

In conclusion it can be said that the loanwords analysed testify to ample contacts between the Slavic and Hungarian languages on the Upper Tisza. The Slavic influence, however, is not strong as it has affected only some aspects of minor importance of the dialects and has had no influence on the system itself.